

Л. Н. Толстой

**Дневники записные книжки.
(1891-1894)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Дневники записные книжки. (1891-1894) / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 448 с.

ISBN 978-5-4241-0731-3

ISBN 978-5-4241-0731-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Говоря о «противодействии» существующему строю, Толстой, однако, не имеет в виду насильственной борьбы с ним. Главное, по мнению Толстого, это всегда проповедовать и делать добро, «любить и голодных, и сытых». ¹ К такой деятельности, которая вызывала бы в людях любовь друг к другу, и призывает Толстой. «Но кажется, будет самым действительным средством против голода, — заключает он свое письмо к Лескову, — написать то, что тронуло бы сердца богатых. Как вам бог положит на сердце, напишите, и я бы рад был, кабы и мне бог велел написать такое».

В этих словах, перекликающихся со многими дневниковыми записями Толстого, видна вся глубина противоречий мировоззрения писателя. С гневом и презрением говорит Толстой о строе корысти и наживы, являющемся главной причиной народного горя. Но, находясь в плену своего реакционного утопического учения, он не видит правильных путей борьбы с социальным злом.

Колебания Толстого в вопросе о средствах помощи голодающим крестьянам были вызваны и его сомнениями относительно возможности пользования деньгами. Не понимая законов развития капитализма, принципиально отвергая, как писал Ленин, всякую попытку выяснить «связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена» ² и принимая следствие за причину, Толстой видел именно в деньгах источник порабощения народа. Он считал за «грех» собирать деньги, эту «мамону неправды», и распределять их среди голодающих. На первых порах он готов был, во имя своего учения, воздержаться от этого «греха».

Но обстоятельства вскоре сложились так, что Толстому пришлось примириться с отступлением от догмы своего учения. «Действительность... указывала направление, единственно достойное человека — к активизму, к непосредственному вмешательству в жизнь человеческой воли и разума». ³ Так бывало с Толстым неоднократно. Так случилось и теперь. Объехав в сентябре 1891 г. голодающие районы и убедившись, насколько велико народное бедствие, он понял, что другого выхода, кроме

¹ Т. 66.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 30.

³ М. Горький, История русской литературы, ГИХЛ, М. 1939, стр. 296.

материальной помощи, нет и что «неупотребление денег в данном случае будет мучать совесть» (Д, 13 сентября 1891 г.). Активная всесторонняя забота о голодающих и стала важнейшим делом Толстого на протяжении ближайших лет.

Деятельность Толстого по борьбе с голодом продолжалась с перерывами в течение двух лет и привлекла к нему симпатии всего передового человечества. На поступающие со всех концов России и из-за границы деньги им были организованы в Данковском и Скопинском уездах Рязанской губернии, в Ефремовском и Епифанском уездах Тульской губернии 212 столовых, в которых кормились тысячи крестьян, особенно стариков и детей. Крестьянам оказывалась помощь и в поддержании хозяйства, в сохранении скота. Сотрудниками писателя были в ряде деревень организованы медицинские пункты для борьбы с эпидемиями.

Лев Толстой находился в Бегичевке Рязанской губернии, в самом центре голодающих деревень, и лично руководил организацией помощи населению. Его статьи «Страшный вопрос», «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», «Письма о голоде», а также периодические отчеты об израсходованных средствах, появлявшиеся в печати под заголовком «Среди голодающих», всколыхнули всю Россию. В этих остро обличительных статьях звучит гневный голос самого крестьянства, ограбленного эксплуататорами, доведенного до голодной смерти.

В дневниковых записях, сделанных во время голода, как в зеркале, отразилась бедственная жизнь крестьянства. Как и статьи Толстого этого времени, они содержат в себе страшную правду о русской дореволюционной деревне, о тяжелой жизни народа.

Объезжая в сентябре—октябре 1891 г. уезды Тульской и Рязанской губерний, пораженные голодом, Толстой прежде всего отмечает резкий контраст сытой и беспечной жизни помещиков и голодной, беспросветной жизни крестьян. Его Дневники и Записные книжки поражают обостренным восприятием этого контраста. В них нет одинаковой «любви к сытым и голодным», которую писатель еще так недавно проповедовал. Наоборот, они полны гнева и сарказма по адресу помещиков, которые и перед лицом всенародного горя продолжают жить своей пустой, эгоистической жизнью.

«У Бырдиных помещичья семья, — отмечает он в Записной книжке 19 сентября 1891 г., — барыня полногрудая с проседью, в корсете, с бантиком на шиньоне... угощает и кофеем, и кремом, и котлетами, и грустит о том, что дохода нет... За столом подали водку и наливку и предложили курить и объедаться» (стр. 192).

Такую же картину Толстой наблюдает и у помещика Свечина, содержащего великолепный дом, конный двор, винокуренный завод, псарню, голубятню. «Интересы у Бурдиных и здесь, у Бибикова: имение, доход, охота, собаки, экзамены детей, лошади», — отмечает он в Записной книжке. И в той же Записной книжке на соседних страницах читаем:

«Ознобишино. — Картофеля нет. Побираются почти все».

«Мещерки. 6 душ. Сын в солдатах. Раскрыто. 5 четвертей овса. — Побирается, принесла хлеба».

«Третья. Хлеба нет. Испекли два хлеба с лебедой. Овса три четверти. Картофеля нет».

«Лебеда нынешнего года зеленая. Ее не ест ни собака, ни свинья, ни курица. Люди, если съедят натошак, то заболевают рвотой» (стр. 191 — 193).

В последующие недели и месяцы, живя среди крестьян, Толстой еще более убеждается в катастрофических размерах голода. И он все чаще отмечает это в своем Дневнике. Вот некоторые из наиболее характерных записей:

25 сентября 1891 г.: «24-го ходили в деревню Мещерки. Опущенность народа страшная: разваленные дома — был пожар прошлого года — ничего нет, и еще пьют».

19 декабря 1891 г.: «Положение мужика, у которого круг его кольца разорван, и он не мужик, не житель, а бо-быль».

29 февраля 1892 г.: «Выхожу утром... на крыльцо, — большой, здоровый, легкий мужик, лет под 50, с 12-летним мальчиком, с красивыми, вьющимися, отворачивающимися кончиками русых волос. «Откуда?» Из Затворного. Это село, в котором крестьяне живут профессией нищенства... Что? — Да не дайте помереть голодной смертью. Всё проели. — Ты побираешься? — Да, довелось. Всё проели, куска хлеба нет. Не ели два дня... Ни топки, ни хлеба. Ходили по миру, не подадут. На дворе мятель, холод... Оглядываюсь на мальчика. Прекрасные глаза полны слез, и из одного уже стекают светлые, крупные слезы».

23 мая 1893 г.: «Вчера был в Татищеве. Бедность ужасна. Ужасен контраст».

Ощущение резкого контраста между сытой, паразитической жизнью господ и ужасающей нищетой народа не покидает Толстого во все время его пребывания среди голодающих крестьян и становится основной темой его публицистики, а также и последующего художественного творчества. В социальном неравенстве, в ограблении крестьянства помещиками, в лишении крестьян земли видит он главную причину всех бедствий народа.

«Народ голоден от того, что мы слишком сыты, — утверждает он в своих «Письмах о голоде». — Разве может быть неголоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземельи, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры богатых людей?»¹

Отвечая на этот вопрос, Толстой высмеивает, как нелепую и вздорную, мысль, будто господа могут прокормить народ. «Удивительное дело! — иронизирует он, — ...паразит собирается кормить то растение, которым он питается».²

Через десять лет, в 1902 г., в связи с новым голодом в России, В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» гневно бросил эти негодующие слова Толстого в лицо русскому самодержавию. «Хищническое хозяйство самодержавия, — писал Ленин, — покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея».³

¹ «Письма о голоде» — «Лев Толстой и голод», Нижний-Новгород, 1912, стр. 58.

² Там же, стр. 56.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 66—67.

Наблюдения и переживания Толстого в период его борьбы с голодом обостряют его интерес к социальным вопросам и усиливают его поиски выхода из тупика общественных противоречий. В Дневниках 1891—1894 гг. сотни записей на эту тему — записей, в которых тесно переплетены, по выражению Ленина, и «разум» писателя, и его «предрассудок», и то, что составляет силу идеологии патриархального крестьянства — протест против угнетения, и то, что отражает ее слабость, политическую незрелость и ограниченность.

Основной вопрос, который ставится в Дневниках, как и в публицистических статьях этих лет, это вопрос о путях уничтожения социального зла и установления социальной справедливости. Ошибочно считая непротивление злу насилием, нравственное самоусовершенствование людей единственным плодотворными средствами общественного переустройства, Толстой отвергает революционное, насильственное изменение общественных отношений.

Видя вокруг себя закабаленный народ, находящийся в порабощении у вооруженных до зубов эксплуататоров, Толстой ошибочно умозаключает, будто «капиталисты, то есть те, кого защищает власть, сила, всегда будут сильнее» (Д, 16 февраля 1891 г.). В подтверждение своей мысли писатель ссылается на печальный опыт прежних крестьянских восстаний, не учитывая того, что восстания эти терпели поражение именно из-за политической незрелости, неорганизованности, стихийности крестьянских масс. Крестьянство может победить своих вековых угнетателей в тесном союзе и под руководством рабочего класса — самого передового, организованного и до конца последовательного борца против угнетения. Но именно исторической роли пролетариата, как союзника и руководителя крестьянства, Толстой не видит и не признает. Он утверждает, что достижение «кооперации, коммунизма, общности» возможно только путем следования людей «побуждению сердца, совести, разума, веры» (Д, 14 февраля 1891 г.), закрывая глаза на то, что сами по себе добрые побуждения, не подкрепленные борьбой с угнетателями, никогда не приводили народ к победе. Он не видит абсолютной утопичности своих упований на нравственное перевоспитание людей в паразитическом обществе, раздираемом классовыми противоречиями, органически порождающем

эгоизм, злобу, зависть, в обществе, где человек человеку — волк.

В рассуждениях Толстого о средствах достижения справедливого социального строя глубоко ощутимы политическая наивность, слабость и ошибочность его «рецептов спасения человечества». Толстой, как указал Ленин, обнаруживает здесь «такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю». ¹

Но наряду с этим мы встречаем в Дневниках Толстого глубокое, искреннее осуждение эксплуататорского строя, гневный протест против всех видов порабощения народа, ощущение неизбежности классовых схваток между угнетенными и угнетателями. Так, например, 13 сентября 1891 г. Толстой записывает в Дневнике: «Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздают».

Резко осуждая самодержавие за его зверскую расправу с восстающим народом, Толстой отмечает в Дневнике: «Мучительно тяжелое впечатление произвел поезд администрации и войск, ехавших для усмирения» (15 сентября 1892 г.).

В другой раз, в связи с нелепым распоряжением властей привести к присяге детей, Толстой записывает: «Велено присягать 12-летним. Неужели они думают связать этим детей? Разве не очевидно это самое требование показывает их вину и сознание ее. Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет еще скорее» (30 октября 1894 г.).

Таких записей в Дневнике немало. Они показывают, насколько был силен в Толстом горячий, страстный протест против угнетения народа, как остро, «по-мужицки», реагировал он на все виды господского насилия.

Вступая в непримиримое противоречие с аскетическими догматами своего религиозно-нравственного учения, Толстой утвер-

¹ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 16, стр. 295.

ждал необходимость активного вмешательства человека в дело жизни.

«Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат, — записывает он в Дневнике 14 июня 1894 г. — В нагроможденных облаках просвет, и там, как красный неправильный угол, солнце. Всё это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

III

Исключительный интерес представляют дневниковые записи 1891—1894 гг., относящиеся к художественному творчеству писателя.

На первом месте среди замыслов художественных произведений, волнующих в этот период Толстого, стоит замысел большого социально-обличительного романа, который дал бы возможность показать жизнь в ее наиболее существенных противоречиях и объединил бы многие из задуманных и начатых писателем вещей.

«Как бы хорошо, — записывает Толстой в Дневнике 25 января 1891 г., — писать роман de longue haleine, ¹ освещаая его теперешним взглядом на вещи. И подумал, что я бы мог соединить в нем все свои замыслы, о неисполнении которых я жалею, все, за исключением Александра I и солдата: и *разбойника*, и *Коневскую*, и *отца Сергия*, и даже *переселенцев* и *Крейцерову Сонату*, *воспитание*. И *Миташу*, и *записки сумасшедшего*, и *нигилистов*».

Размышляя над этим будущим большим произведением, Толстой в Дневнике запечатлевает его «смысл», то есть те основы, на которых оно могло быть создано. «Да, начать теперь и написать роман имело бы такой смысл. Первые, прежние мои романы были бессознательное творчество. С «Анны Карениной», кажется больше 10 лет, я расчленил, разделял, анализировал;

¹ большого дыхания,

теперь я знаю что́ что́ и могу всё смешать опять и работать в этом смешанном» (запись 26 января 1891 г.).

Роман «Воскресение», который писатель обдумывал в этот период, и стал в конце 90-х годов воплощением его грандиозного замысла. Русская жизнь последней трети XIX века изображена в романе не только во всей ее сложности и многогранности, но и с новых идейных и эстетических позиций. Все лица и события освещены в нем новым «взглядом на вещи» — взглядом, соответствующим чаяниям, настроениям, интересам обездоленного крестьянства.

Работу над «Воскресением», начатую в конце 1889 г., Толстой в 1891—1894 гг. не продолжал, но мысль о романе не оставляла его. Так, 22 мая 1891 г. он отмечает в Дневнике, что получил от прокурора Тульского окружного суда Н. В. Давыдова «очень хорошее дело для Коневского рассказа». Запись от 10 июня 1891 г. содержит план одной из будущих сцен романа («играют в горелки с Катюшей и за кустом целуются») и определяет его композиционные контуры («Первая часть — поэзия материальной любви, вторая — поэзия, красота настоящей»).

Большой интерес представляют и записи в Дневнике, раскрывающие историю замысла и создания «Отца Сергия» (см. записи от 10 и 13 июня, 22 июля, 25 сентября, 6 ноября 1891 г. и др.) и вновь задуманных в 1891—1894 гг. художественных произведений. Важнейшим из них является рассказ «Кто прав?», посвященный изображению контраста между безысходной нуждой крестьянства и паразитическим существованием помещиков и сановников в дни голода. Этот рассказ, содержащий замечательные по своей яркости и правдивости картины барской и народной жизни, остался, к сожалению, неоконченным.

Неоконченной осталась и повесть «Мать», начатая Толстым в апреле 1891 г. и посвященная, судя по сохранившимся отрывкам, проблемам воспитания детей в барских семьях. Упоминается в Дневнике и замысел «повести, в которой выставить бы двух человек: одного — распутного, запутавшегося, павшего до презрения только от доброты, другого — внешне чистого, почтенного, уважаемого от холодности, не любви» (запись 9 февраля 1894 г.). Этот замысел впоследствии Толстой стремился осуществить в драме «Живой труп».

Записи Толстого об искусстве, занесенные в Дневники 1891—1894 гг., имеют большое значение для характеристики эстетических взглядов писателя. Пережитый на рубеже 80-х годов идейный перелом привел Толстого к новому осмыслению роли искусства в современном ему обществе. Первой его реакцией во время резких «расчетов с самим собой» было отречение от собственного художественного наследия и полное отрицание современного искусства как ненужного и даже вредного для народа. «Пока я не жил своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своих волнах, — писал Толстой в «Исповеди» — ...отражения жизни всякого рода в поэзии и искусствах доставляли мне радость. Мне весело было смотреть на жизнь в это зеркальце искусства; но когда я стал отыскивать смысл жизни, когда я почувствовал необходимость самому жить, зеркальце это стало мне или не нужно, излишне и смешно, или мучительно». ¹ Переосмысливая под этим углом зрения свою почти тридцатилетнюю художественную деятельность, Толстой пришел к выводу, что в ней «не было ничего высокого» и что вся теория искусств, которой он служил, была — на деле — «большой, огромный соблазн, то есть обман, скрывающий от людей благо и вводящий их в зло». ²

Но Толстой был слишком большим художником и глубоким мыслителем, чтобы долго оставаться на этой грубо упрощенной, ошибочной позиции. Отрекшись сгоряча от искусства, он продолжил свои глубокие поиски его смысла и значения и вскоре понял, что он, по народной пословице, «осердясь на блох, и шубу в печь», то есть что, справедливо отвергнув развращенное «господское» искусство, он напрасно отверг искусство в целом. «Когда я остыл немного, — признался он в 1882 г., — я убедился, что... в этой материально бесполезной деятельности так называемого искусства... есть и полезное, хотя и не материально, то есть добро». ³

Поняв это, Толстой с присущим ему бесстрашием начал поиски тех признаков и критериев, которые отделяют подлинное, нужное людям искусство от того, которое действительно

¹ Л. Н. Толстой, «Исповедь», изд. «Посредник», 1911, стр. 20.

² Т. 30, стр. 211.

³ Там же.

является забавой для сытых. Так возникли замыслы статей об искусстве, которые занимали Толстого на протяжении пятнадцати лет и, видоизменяясь, впоследствии выросли в трактат «Что такое искусство?».

К 1891 г. относится работа над оставшимися не законченными статьями «Наука и искусство» (1889—1891) и «О науке и искусстве» (1891), которые Толстой пишет, пересматривая свои прежние статьи на эту тему («Письмо к издателю «Художественного журнала» Н. А. Александрову 1882 г., статья «Об искусстве» 1889 г., статья «О том, что есть и что не есть искусство, и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое» 1889—1890 гг., отрывок «Об искусстве» 1889 г.).

Большие затруднения, которые испытывал Толстой, формулируя новую теорию искусства, объяснялись глубокими противоречиями его мировоззрения. Страстное обличение и отрицание «господского» искусства с точки зрения народных, точнее крестьянских, нужд сочеталось у него с религиозно-нравственными требованиями к искусству, а требования эти не создавали базы для правильного решения вопроса о подлинно народном искусстве.

Действительно, народу не нужно пустое, бессмысленное искусство, единственным признаком которого является его «материальная бесполезность». Ему не нужно пошлое, безидейное и к тому же недоступное искусство пресыщенных, развращенных господ. Но какое же искусство ему нужно? Где критерии полезного и необходимого людям искусства? Каковы признаки подлинно народного искусства? Какие произведения прошлого и современного искусства отвечают требованиям нужного народу искусства?

На все эти вопросы Толстой не смог дать правильного ответа. Он приходил к выводу, что искусство должно руководиться «религиозным сознанием своего времени» и проповедовать любовь к ближнему. Он объявлял первейшим критерием искусства абстрактное понятие добра, придавая ему внеисторический, вечный и откровенно религиозный смысл. И вполне понятно, что, как он ни бился, он не смог на этих противоречивых и ошибочных путях создать новую стройную теорию искусства.

Постоянные, все возрастающие трудности писателя в его работе над статьями об искусстве, его неудовлетворенность своими выводами, как и противоречивость самих суждений,